

Дьяческий корпус Сибирской губернии в царствование Петра I

Дмитрий Редин

Феномен власти, без сомнения, является одной из фундаментальных проблем гуманитарных и социальных наук, той «вечной» темой, которая неизменно находится в поле зрения исследователей, в том числе – историков. Для ретроспективного изучения эволюции властных институций в России принципиальное значение имеет период второй половины XVII – первой половины XVIII в., особенно тот его отрезок, который связывают со временем административных преобразований Петра Великого и в силу историографической инерции считают моментом радикального разрыва с традиционным укладом жизни, «водоразделом» между «старой» и «новой» Россией. Не разделяя вполне подобных воззрений, я не могу в то же время не признавать, что петровское царствование занимало важное место в процессе долгого перехода нашей страны от средневековья к новому времени и оказалось чрезвычайно примечательным этапом в череде фундаментальных трансформаций во взаимоотношениях власти и общества, свойственных самой природе исторического перехода. В частности, эти трансформации самым заметным образом проявили себя и в сложном процессе взаимодействий управленческих структур разного уровня, различного происхождения и функционального предназначения.

Как бы ни трактовалось понятие власти, очевидным окажется то, что она имеет своё физическое выражение, явленное не только и не столько через аппарат государственного управления, через системные совокупности административных структур, сколько через людей, служащих в этих структурах и реализующих властные полномочия. Чиновничество, «антропологическая» ипостась власти, задаёт историку-исследователю задачу изучения её «человеческого» измерения. Последнее, наиболее ярко проявляющееся на местном уровне (не на уровне, условно говоря, законодателя, а на уровне исполнителя), имеет мало общего с привычными для нас измерениями власти формально-юридического характера. Современное состояние исторической науки создает благоприятные условия для отхода от макросоциологических и формально-юридических построений путём включения административной истории в контекст историко-антропологических исследований в духе «новой социальной истории», побуждает приступить к осмыслению «антропологии власти», актуализируя давний призыв М. Блока поставить административную историю в контекст социальных структур, сосредоточиться на анализе «людей власти».

Данная статья представляет собой опыт реконструкции канцелярского и управленческого корпуса Сибирской губ. в эпоху петровских реформ и является частью большого и пока ещё далёкого от завершения труда по социальной истории местного управления в России в период перехода от Средневековья к Новому времени, осуществляемого историками Уральского федерального университета и Института истории и археологии УрО РАН.

Как известно, дьяки составляли наиболее опытную, квалифицированную и, в силу этого, востребованную, группу канцелярских служащих. С самого начала формирования чиновничества Сибирской губ. её глава – кн. М.П. Гагарин приложил все усилия для концентрации в своём ведомстве сильного дьяческого контингента. Его связи и возможности, а также процесс реорганизации старого центрального аппарата, в первую очередь – Сибирского приказа, которым кн. Гагарин руководил несколько лет, позволили ему укомплектовать губернский штат московскими дьяками. Это делалось как путём их прямого перевода на различные должности в Сибирь, так и через пожалования московских старых подьячих и подьячих «с приписью» в дьяки в связи с назначением в местные канцелярии¹. Наиболее ранним документом, содержащим официальные сводные данные о количестве сибирских дьяков, является определение Сената от 23 февраля 1714 г. об установлении новых окладов и денежных выплат для различных категорий служилых людей, церковнослужителей, заключённых и ссыльных². Определение было составлено на основе «ведения» кн. М.П. Гагарина, присланного в Сенат 8 сентября 1713 г. Таким образом, информация, содержащаяся в сенатском определении, отражает ситуацию второй половины 1713 – начала 1714 г. – так, как её представлял губернатор высшему руководству страны. Согласно этим сведениям, в Сибирской губ. служили 7 дьяков, совокупно получавших 1 400 руб. годового жалованья³. Сенаторы, чья работа над данным определением сводилась к поиску возможностей минимизирования казённых расходов, посчитали, что сэкономить можно именно на дьяках и предписали сократить их число до трёх, установив для них фиксированный годовой оклад жалованья в 50 руб. на человека. Тем не менее в том же 1714 г. в указе Сибирской губернской канцелярии в Тобольскую большую канцелярию о взятии с дьяков и комиссаров губернии новоокладного сбора поимённо перечислены 10 человек дьяческого ранга: Леонтий Шокуров, Иван Баутин, Максим Романов, Лукьян Валков, Степан Пупков, Алексей Аникеев (Никеев), Яков Чернцов, Яков Щетинин, Афанасий Усталков и Андрей Боев⁴.

В сенатской справке за 1716 г. по Сибирской губ. вновь зафиксировано 10 дьяков, хотя их персональный состав несколько изменился. В этом списке появилось четыре новых дьяка: Н. Зайцев, Д. Никитин, Л. Тихомиров и С. Киреев. Четыре дьяка из списка 1714 г. (Баутин, Валков, Аникеев и Чернцов) к

¹ Из всего количества дьяков Сибирской губ. за рассматриваемый период, упоминаемых в специальной литературе и выявленных мною, только трое (А. Боев, Л. Тихомиров и М. Романов) являлись выходцами из местных подьячих. Романов был известен, помимо прочего, своими литературными дарованиями и историческими познаниями. О нем см.: *Дергачёва-Скоп Е.И.* Автограф М.Г. Романова – одного из составителей Сибирского летописного свода // *Древнерусская рукописная книга и её бытование в Сибири.* Новосибирск, 1982. С. 79–102; *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 117–118.

² РГАДА, ф. 248, кн. 17, л. 73–78.

³ Там же, л. 75 об.

⁴ Там же, ф. 415, оп. 1, д. 3а, л. 1–2.

этому времени выбыли со службы⁵. Один из них, Валков, умер в 1715 г.; на его место кн. Гагарин просил назначить московского подьячего Семёна Прасолова. 1 июня 1716 г. сенатским указом Прасолов был жалован в дьяки и отправлен в распоряжение Сибирского губернатора⁶. Таким образом, летом 1716 г. в сибирских канцеляриях служили 11 дьяков. Два года спустя, 28 мая 1718 г. кн. Гагарин доносил в Сенат, что по царскому указу в Сибирской губ. определено 7 дьяков, но непосредственно у текущих губернских дел осталось лишь четверо, поскольку трое посланы в Санкт-Петербург с отчётной документацией. В связи с этим губернатор просил назначить в его штат нового человека – подьячего Гавриила Оловянного. Сенат удовлетворил эту просьбу и указом от 19 июня 1718 г. Оловянный получил дьяческий чин и был приписан к Сибирской губ.⁷ В результате к лету 1718 г. на сибирской службе состояло 8 дьяков, включая трёх посланных в Петербург, поскольку они, независимо от своего местопребывания, всё равно оставались в сибирском штате. Последним документом, который содержит сведения о пополнении дьяческого корпуса губернии, является доношение в Сенат нового сибирского губернатора, кн. А.М. Черкасского, от 16 марта 1720 г., в котором он ходатайствовал о назначении в сибирскую службу дьяка Антона Ижорина⁸. Какова была реакция сенаторов на этот запрос, установить не удалось, но, скорее всего, его не удовлетворили. Следов пребывания Ижорина в губернском делопроизводстве выявить не удалось, однако известно, что в 1723 г. он занимал должность секретаря Камер-коллегии⁹.

Обобщая вышеприведённые данные, мы получаем интересную картину динамики численности сибирских дьяков в 1713–1718 гг. Как видно, в течение первой областной реформы контингент местных дьяков был относительно многочисленным (от 7 до 11 человек). Это даёт пищу для рассуждений о планах и мотивах правительственной политики в области кадрового обеспечения местного управления; о стремлении центральной власти сократить областную канцелярский штат и связанные с ним расходы; об умелом противодействии этим планам со стороны губернаторов, наконец, о том, что по сравнению с данными о личном составе местных учреждений конца 1720-х гг.¹⁰, Сибирская губ. в 1710-х гг. была обеспечена управленческими кадрами гораздо лучше многих других.

Но и эти сведения оказываются не полными при обращении к другим документам текущего делопроизводства. Ни в одну из губернских сводок 1713–1714 гг. не вошёл дьяк А. Герасимов, в марте 1714 г. переведённый в штат московской губернской канцелярии¹¹. В официальных документах не упомянуты вятские дьяки Ф. Сычёв и В. Окоёмов, попавшие на сибирскую службу в 1711 г. и пробывшие там до 1714 и 1719 гг. соответственно¹². Вероятно, продолжа-

⁵ Там же, ф. 248, кн. 647, л. 826.

⁶ Там же, л. 837–838.

⁷ Там же, л. 889, 890, 892.

⁸ Там же, кн. 155, л. 1168.

⁹ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца 1721–1725 гг. // Юность державы (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). М., 2000. С. 189.

¹⁰ Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 225.

¹¹ РГАДА, ф. 425, оп. 1, д. 8, л. 33–34.

¹² Там же, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 18, 214, 547, 767, 793–794; д. 29, л. 103–104.

ли некоторое время служить в Сибири дьяки Тобольской большой канцелярии А. Лихачёв, Ф. Лосев, К. Васков, В. Минин, Ф. Облесимов, И. Юров: в 1712 г. они ещё состояли на службе и вряд ли могли всем составом покинуть канцелярию к 1713 г.¹³

Приведённые примеры лишний раз показывают, насколько осторожно следует относиться ко всякого рода сводным материалам. На основании этих сведений можно довольно уверенно говорить о том, что губернская статистика, на которой базировались сенатские справки, была склонна занижать количество приказных, в данном случае – дьяков, имевшихся в распоряжении местных властей. Причины такого подхода можно понять: в условиях постоянной нехватки квалифицированных управленцев губернатору всегда было выгоднее преуменьшить реальную численность своих штатов и, ссылаясь на «крайнюю нужду», выторговать у центра дополнительный персонал. Возможно, губернаторами руководили и какие-то материальные расчёты.

Но, даже учитывая эти обстоятельства, вопрос о численности дьяческого корпуса не решается с помощью простой арифметики. Нужно признать, что, несмотря на уловки со сводными данными, численность интересующей нас группы приказных действительно колебалась, и наряду с притоком имел место и отток кадров. Можно предположить, что этот отток особенно усилился в связи с появлением и развитием коллежских учреждений, которые требовали большого количества канцелярских работников высшей квалификации. На эту мысль наводит последний по времени составления документ, укладывающийся в хронологические рамки настоящей статьи и фиксирующий положение в системе управления края в середине 1720-х гг. – «Ведомости о состоянии Сибирской губернии», составленные в 1726 г. в Сенате на основании обширного доклада, представленного сибирским губернатором кн. М.В. Долгоруковым. Они дают определённое представление о количестве должностных лиц и канцелярского персонала как на губернском и провинциальном, так и на уездном (дистриктном) уровне, но оставляют за скобками судебные учреждения губернии и канцелярии «поморских» провинций – Вятской и Соликамской. Из этого документа следует, что дьяков в западной части Сибирской губ. – (без «поморских городов») осталось только трое: двое «для гражданских дел в губернской канцелярии» и один в Тобольской камерирской конторе¹⁴. Эта численность дьяческого корпуса совпадает с данными Н.Ф. Демидовой, опиравшейся на сведения, собранные в Герольдмейстерской конторе в 1727 г., согласно которым во всей Сибирской губ. было три секретаря, т.е. служащих дьяческого ранга¹⁵. Но совершенно очевидно, что эти цифры нуждаются в некоторой корректировке: к ним необходимо добавить ещё двух дьяков-секретарей по канцеляриям Енисейской и Иркутской провинций, отмеченных в «Ведомости»¹⁶; правда, и в этом случае мы получим представление лишь об их штатном числе.

Однако, как бы сложно ни обстояло дело с источниковой базой, какие-то реконструкции на основе имеющегося материала провести следует. Относительно полно можно восстановить дьяческий состав по канцелярии Сибирской губернии в Москве. Кроме её главы – ландрихтера И.Л. Чепелева, который, несмотря на свой дьяческий чин, должен быть отнесён к руководящему,

¹³ Акишин М.О. Указ. соч. С. 120.

¹⁴ РГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 25, л. 2, 3, 5–6.

¹⁵ Демидова И. Ф. Указ. соч. С. 225.

¹⁶ РГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 25, л. 3.

а не канцелярскому звену, дьяком являлся секретарь этой канцелярии. До 1715 г. на секретарской должности здесь служил Евдоким Максимов. Если учесть, что учреждение сформировалось к весне 1712 г.¹⁷, то не исключено, что Максимов был его секретарём с момента основания. На эту мысль наводит и формулировка в одном из доношений кн. Гагарина в Сенат в 1715 г.: «От Сибирской губернии на Москве определена быть канцелярия, в которой всякие дела той губернии отправляет ландрихтер Иван Чепелев, а с ним во управлении был секретарем Евдоким Максимов»¹⁸. В 1715 г. Максимов оставил секретарство, будучи привлечён «к щетному делу» (финансовому отчёту по губернии за предыдущие годы), в связи с чем по просьбе кн. Гагарина на его место назначили подьячего той же канцелярии С. Киреева, произведённого в дьяки¹⁹. По документам начала 1721 г. в канцелярии Сибирской губернии по Москве значится новый секретарь Г. Оловянников²⁰, вёрстаный в дьяки летом 1718 г. Вполне правдоподобно предположение, что он стал секретарём именно в 1718 г., когда трое сибирских дьяков были отправлены в Петербург к очередному «счёту» – среди них мог быть и прежний секретарь С. Киреев.

В 1711–1713 гг. большинство сибирских дьяков «гагаринского призыва» (Л. Шокуров, А. Усталков, И. Баутин, М. Романов, Л. Валков, Я. Щетинин, А. Герасимов, С. Пупков) прошли службу в Тобольской большой канцелярии²¹, но в дальнейшем их судьбы разошлись. Шокуров и Усталков служили уездными комендантами в Кунгуре (первый – в 1713 – начале 1715 г., второй – в 1715 г.)²². В 1715–1716 гг. Леонтий Шокуров «надзирал» за работой медеплавильных заводов и рудокопными делами в Кунгурском уезде²³. Я. Щетинин, после комендантства в Сургуте в 1715–1716 гг., вновь оказывается на Урале в качестве коменданта Исетска (1717–1719 гг.)²⁴. Иван Баутин (Баютин), дьяк-секретарь Тобольской большой канцелярии, в 1711–1714 гг. «ведал всякие зборы и подати» по губернии, в том числе осуществляя общее руководство ею совместно с обер-комендантом И.Ф. Бибиковым во время первого следствия над кн. М.П. Гагариным. В непосредственном распоряжении Баутина был особый съезжий двор, 100 солдат, три старых подьячих и все подьячие-повытчики, отвечавшие за податные дела²⁵. Такие же функции выполнял впоследствии Максим Романов, бывший при Баутине вторым дьяком. Только в конце 1719 г. Романов покинул Сибирь, отправившись в новую столицу с приехавшими книгами по губернии с 1716 по 1719 гг.²⁶ После его отъезда секретарскую должность в губернской канцелярии наследовал Степан Пупков, служивший в 1711–1712 гг. в Соликамской приказной избе, а в 1720 г. переведённый дьяком

¹⁷ Там же, ф. 248, кн. 17, л. 156. Подробнее о канцелярии Сибирской губернии по Москве см.: *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 154–162.

¹⁸ РГАДА, ф. 248, кн. 647, л. 807.

¹⁹ Там же, л. 807, 808.

²⁰ Там же, кн. 155, л. 803 об.

²¹ *Акишин М.О.* Указ. соч. С. 120.

²² РГАДА, ф. 248, кн. 17, л. 76; ф. 214, оп. 5, д. 2313, л. 90.

²³ Там же, ф. 248, кн. 36, л. 822–823.

²⁴ Государственный архив Свердловской области (далее – ГА СО), ф. 24, оп. 1, д. 19, л. 109 об.; д. 22, л. 21, 157 об.

²⁵ РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 793–793 об.

²⁶ *Акишин М.О.* Указ. соч. С. 118; РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 29, л. 416.

в Тобольск (в качестве секретаря – не ранее ноября 1720 г.). В 1723 г. он стал секретарём Тобольского надворного суда²⁷.

Через Соликамск прошли ещё трое: Лукьян Валков (1711–1713 гг.), который позже, с 1714 г. до своей смерти в 1715 г. ведал в Тобольской большой канцелярии «переписными делами»²⁸; Андрей Боев (1712–1713 гг.)²⁹, числившийся в сибирских дьяках по меньшей мере до 1716 г.; Алексей Аникеев, бывший в 1711–1713 гг. секретарём Соликамской приказной избы. В 1711 г. он, в частности, сообщал губернатору о махинациях соликамских и чердынских голов и целовальников с продажей табака³⁰. Но уже летом 1713 г. Аникеева перевели в Хлынов. В товарищах с дьяком В. Окоёмовым он «ведал» Вятку в связи с отъездом вятского коменданта кн. И.И. Щербатова и дьяка-секретаря Ф. Сычёва³¹. В сибирской службе Аникеев находился до 1716 г. Кроме него, с Вятским уездом была связана судьба ещё трёх дьяков: упоминавшихся выше Сычёва и Окоёмова, бывших секретарями местной приказной избы (в 1712–1714 гг. и в 1714–1719 гг. соответственно) и Григория Фирсова, в 1723 г. пребывавшего в должности вятского камерира³². С. Прасолов после пожалования в 1716 г. в дьяки и недолгой службы в Тобольской большой канцелярии попал в Тюменскую приказную избу и в 1717 г. был комиссаром при тюменском коменданте И.В. Воронцовом³³. В 1721–1722 гг. он пребывал на должности секретаря Тобольского надворного суда³⁴. В 1718 г. в Иркутске исполнял обязанности коменданта дьяк Никифор Кондратьев³⁵; а на рубеже 1710–1720-х гг. в Верхотурье служил дьяк Никита Спафариев, тоже некоторое время возглавлявший уезд (в 1720 г.)³⁶.

Дьячество относилось к наиболее высокооплачиваемой категории приказных. Размер окладного жалованья дьяков в среднем равнялся «базовому» окладу уездного воеводы и оставался единым на протяжении всего периода петровских реформ. Так, распоряжением кн. Гагарина от 8 февраля 1712 г. вятским дьякам Ф. Сычеву и В. Окоёмову назначался оклад в 100 руб., 100 четей хлеба и 50 ведер вина³⁷. Косвенным, но, на мой взгляд, надёжным показателем устойчивости 100-рублёвого дьяческого оклада служит ставка разового сбора «на гошпиталь» (или «на лазарет»), взимавшегося с приказного при назначении в дьяческий чин в 1713–1719 гг.: 100 руб., размер среднего годового жалованья³⁸.

²⁷ Акишин М.О. Указ. соч. С. 120; РГАДА, ф. 248, кн. 155, л. 775; ГА СО, ф. 24, оп. 1, д. 17, л. 25; д. 216, л. 211–212 об.; Государственный архив Тюменской области (далее – ГА ТО), ф. И-47, оп. 1, д. 4822, л. 68. До конца 1720 г. секретарём Тобольской губернской канцелярии был подьячий Козьма Баженов, вероятно, как «исправлявший должность», до назначения С. Пупкова (РГАДА, ф. 248, кн. 155, л. 789–789 об.), а в канцелярии Тобольского надворного суда в 1724 г. секретарские обязанности исполнял «писарь за секретаря» старый подьячий И. Злобин (ГА СО, ф. 24, оп. 1, д. 216, л. 211–211 об.) – это указывает на явный дефицит дьяков в Сибири в то время.

²⁸ Акишин М.О. Указ. соч. С. 120; РГАДА, ф. 248, кн. 647, л. 837.

²⁹ Акишин М.О. Указ. соч. С. 117, 120.

³⁰ РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 6–6 об.

³¹ Там же, л. 574.

³² Там же, ф. 425, оп. 1, д. 8, л. 3, 5, 262, 278.

³³ ГА ТО, ф. И-47, оп. 1, д. 1093, л. 7–12 об.

³⁴ Там же, д. 4822, л. 22–22 об.

³⁵ Акишин М.О. Указ. соч. С. 97.

³⁶ РГАДА, ф. 248, кн. 155, л. 739 об.; ГА СО, ф. 24, оп. 1, д. 222, л. 153–154 об.

³⁷ РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 413–413 об.

³⁸ Там же, ф. 248, кн. 647, л. 808, 840, 841, 890, 892. Примечательно, что с молодых подьячих при верстании в чин взимали 10 руб. «на гошпиталь». (Там же, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 647). 100-рублёвый сбор взыскивался с дьяков при вступлении в чин на основании именного указа

Тем не менее жалование дяков варьировалось. В 1711–1713 гг. дяки Тобольской большой канцелярии И. Баутин, А. Герасимов, Л. Шокуров, Я. Щетинин, М. Романов, А. Усталков и соликамские дяки Л. Валков, С. Пупков и А. Боев получали по 200 руб. Указы, устанавливавшие размеры их жалованья, прямо свидетельствовали, что повышенные суммы выдаются им «для того, что ни от каких дел не велено им брать ни малого числа»³⁹. Кроме того, следует обратить внимание, что и в этих случаях речь идёт только о денежном жалованье, больший размер которого мог компенсировать невыдачу натуральной части.

Однако в источниках и литературе отмечены случаи, когда дякам устанавливались гораздо меньшие окладные ставки. Так, М.О. Акишин указал, что наряду с высокооплачиваемыми дяками Тобольской большой канцелярии, в 1712 г. у приказных дел трудились дяки, получавшие от 3 до 30 руб. годового жалованья⁴⁰. Если речь идёт действительно о дяках, то их оклады чрезвычайно малы. Однако какой-то материал для объяснения может дать указ 1714 г. Сибирской губернской канцелярии (в Москве), данный Тобольской большой канцелярии о сборе с дяков и комиссаров новоокладного сбора. Смысл этого документа заключался в том, что на основании именного указа с дяков следовало взыскать чрезвычайный налог в размере тройного должностного оклада на военные нужды (взамен поставки даточных людей). Для расчёта суммы сбора в документе указывались денежные оклады этой категории приказных людей. Из 10 поимённо перечисленных сибирских дяков самые большие размеры жалованья – 26 руб. – были показаны у Л. Шокурова и И. Баутина. Дальше суммы шли по нисходящей: от 25 до 7 руб.⁴¹ Реально ли, чтобы дяки, получавшие в 1711–1713 гг. по 100–200 руб., не считая натуральных выдач, вдруг в одночасье оказались столь существенно понижены в жалованье? При всех превратностях петровского времени в такое верится с трудом. Думаю, что в данном случае мы имеем дело с документом, свидетельствующим о двойной бухгалтерии: центральным властям были показаны сильно заниженные ставки дяческих окладов, потому что на их основе произошло исчисление налоговых выплат. Если губернские власти Сибири пошли на подобный шаг в 1714 г., нет оснований считать, что они не могли повторять его и в другие годы. Во всяком случае, мне не известно других примеров, когда дяческое жалованье опускалось бы ниже 100 руб.

Объединив все сведения о персональном составе сибирских дяков периода петровских реформ, можно составить следующую картину. В канцелярии Сибирской губ. последовательно зафиксировано три дяка-секретаря: Е. Максимов (1712–1715 гг.), С. Киреев (1715–1718 гг.), Г. Оловянников (1718–1721 гг.). В Тобольской большой канцелярии: дяки-секретари – И. Баутин (1711–1714 гг.), М. Романов (1714–1719 гг.), С. Пупков (конец 1720 – не позднее 1722 г.); дяки – Л. Шокуров (1711–1713 гг.), А. Усталков (1711–1715 гг.), Л. Валков (1714–1715 гг.), Я. Щетинин (1711–1715, 1716–1717 гг.), С. Правослов (1716 г.), А. Лихачёв, Ф. Лосев, К. Васков, В. Минин, Ф. Облесимов, И. Юров (все – по 1712 г.). В канцелярии Тобольского надворного суда: дяки-

27 мая 1715 г. Только в марте 1726 г. сенаторы предложили Верховному Тайному совету освободить дяков-секретарей от этой пошлыны. На каком основании аналогичные платежи взимались с подьячих – установить не удалось.

³⁹ Акишин М.О. Указ. соч. С. 120.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ РГАДА, ф. 415, оп. 1, д. 3а, л. 1–1 об.

секретари С. Прасолов (1721–1722 гг.), С. Пупков (1723 г.). В Соликамской приказной избе: дьяк-секретарь А. Аникеев (1711–1713 гг.), дьяки А. Боев (1712–1713 гг.; служил в сибирских дьяках по меньшей мере до 1716 г.), С. Пупков (1711–1713 гг.), Л. Валков (1711–1714 гг.). В Вятской приказной избе: дьяк-секретарь Ф. Сычёв (1712–1714 гг.), В. Окоёмов (1713–1714 гг.; с 1714 по 1719 г. – дьяк-секретарь), А. Аникеев (1713 г.; числился в сибирских дьяках и в 1714–1715 гг.). В Вятской камерирской конторе – Г. Фирсов (1723 г.), в Кунгуре – Л. Шокуров (комендант в 1713–1715 гг., «надзиратель» горнозаводского дела в 1715–1716 гг.), А. Усталков (комендант в 1715 г.), в Тюмени – С. Прасолов (1717 – не позднее 1720 г.), в Верхотурье – Н. Спафариев (1720 г.), в Исетске – Я. Щетинин (комендант в 1717–1719 гг.). За пределами западных уездов Сибири: в Сургуте – Я. Щетинин (комендант в 1715–1716 гг.), в Томской приказной избе – Я. Чернцов (1710-е гг., затем, в 1720–1724 гг., в Якутской приказной избе)⁴², в Иркутске – Н. Кондратьев (1718 г.); в Енисейской приказной избе – Л. Тихомиров (1715 г.)⁴³. Для ряда дьяков Сибирской губернии – А. Герасимова (1711–1715 гг.), Н. Зайцева (1716–1718 гг.), Д. Никитина (1716–1718 гг.) – точное место службы выяснить не удалось.

Общее количество людей, служивших дьяками в период петровских реформ по Сибирской губернии и выявленных поимённо, составляет, таким образом, 29 человек. Из них 22 человека выполняли свои обязанности в западной части Сибири (в губернских учреждениях общего и специального управления и в канцеляриях западных уездов) и в губернском представительстве в столице, трое – в восточных уездах губернии. Точное место службы ещё троих не установлено. Колебания численности дьяческого корпуса прослеживаются лишь приблизительно, поскольку мы не располагаем точными данными о сроках оставления службы в регионе большинства из этих приказных. Можно заметить, что предельной концентрации (18 человек) контингент дьяков достигает к 1712 г. Очевидно, такой высокий уровень поддерживался и в 1713 г. При всей условности подсчётов, думаю, что они отражают определённую тенденцию: на первые годы существования Сибирской губернии приходится особенно энергичная деятельность кн. М.П. Гагарина по формированию мощного кадрового корпуса. Именно в эти годы он с большим успехом пользовался ресурсами реформируемых центральных учреждений и в полную меру реализовывал свои столичные связи. При этом период с 1711 по 1714 г. был для губернатора наиболее спокойным – в 1714 г. он попадёт под следствие, продлившееся до 1716 г.

Долго сохранять столь значительное количество дьяков не удалось. С 1714 г. начинается отток дьяческих кадров, и 1714–1718 гг. – это время колебания численности сибирских дьяков, отчасти зафиксированного в приведённых губернаторских доношениях и сенатских справках⁴⁴. К 1719 г. из всех

⁴² Акишин М.О. Указ. соч. С. 116.

⁴³ Там же. С. 117.

⁴⁴ Любопытно сравнить количество сибирских дьяков с численностью дьяков, служивших в других губернских канцеляриях. Основываясь на материалах сенатских справок, П.Н. Мрочек-Дроздовский приводил такие данные на 1717 г.: в Московской губернии зафиксировано 13 дьяков, в Санкт-Петербургской – 6, в Рижской, Архангельской и Казанской – по 4 (причём в 1713 г. в Казанской губернии их числилось 9), в Киевской, Азовской и Нижегородской – по 3 (Мрочек-Дроздовский П. Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: Историко-юридическое исследование. Ч. 1: Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 гг.). М., 1876. С. 85–86).

дьяков, которых удалось выявить, с учётом ухода старых и прихода новых людей, на службе в губернии, видимо, осталось только 6 человек (с дьяком-секретарём канцелярии Сибирской губернии в Москве Г. Оловянниковым – 7). В следующем, 1720 г., число сибирских дьяков упало до 4 (или, с Оловянниковым, 5). Трое из них оставались на Урале, т.е. в западной части губернии. Таким образом, баланс оттока и притока приказных кадров высшей квалификации в местных учреждениях Сибирской губернии за период первой областной реформы был отрицательным. Объяснить это обстоятельство можно только процессом развития и укрепления коллежского аппарата и системы отраслевых учреждений, которые развивались приблизительно с 1715 г. и набрали силу к началу 1720-х гг. Это позволяет с довольно высокой степенью доверия отнести к тем данным, которые содержатся в «Ведомости» 1726 г. – на мой взгляд, она довольно правдоподобно отразила количественный состав дьяческого корпуса Сибири на излёте петровских реформ.

Ссылка крестьян на поселение в Сибирь по воле помещиков в законодательстве Российской империи

Аркадий Долгих

Законодательство Российской империи последнего столетия перед отменой крепостного права, несмотря на наличие ряда трудов историков и юристов на эту тему, изучено недостаточно. Это касается и вопроса о праве помещиков ссылать своих крепостных на поселение в Сибирь «за предерзостные поступки», которое, наряду с «домашним наказанием», сдачей в смиренные и рабочие дома, отправлением на каторгу и др., было реальным выражением вотчинной власти дворян над принадлежащими им крестьянами и дворовыми людьми. По словам И.В. Ружицкой, в ту пору «помещичьи крестьяне вообще не были субъектами гражданского права, будучи только его объектами (они же частично выпадали из орбиты действия уголовного права, так как помещики имели право суда и расправы в маловажных проступках своих крепостных)»¹.

Особенностью помещичьего права ссылки крепостных было то, что оно, в отличие от большинства других прав, всё же регулировалось законом². Это законодательство интересно, прежде всего потому, что в истории крестьянского вопроса найдётся немного сюжетов, где бы так ярко отразились колебания правительства в его решении в зависимости от ситуации и настроений монархов и их окружения. Вместе с тем в историографии, в том числе в справочных

© 2013 г. А.Н. Долгих

¹ *Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005. С. 203.

² *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи. М., 2004. С. 195.